

ЧАСТЬ 1.
УДИВИТЕЛЬНЫЙ
СЮРПРИЗ

Глава 1. Она или не она?

Позже Арам поймет, что именно этот день и эта встреча были для него судьбоносными.

«Она или не она?» — эта мысль тупой булавкой терзала его мозг на протяжении последнего часа.

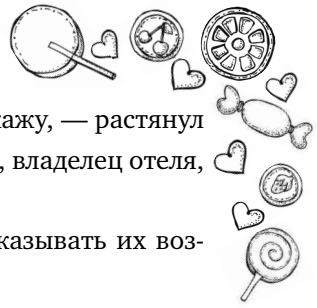
В вестибюле отеля Арам Барсегян встретил девушку, жутко похожую на ту, которую уже давно даже искать перестал. Те же миловидные черты лица: большие карие глаза, губы сердечком, изящная шея. Однако отличия тоже имелись: вместо серого цвета волос насыщенный темно-каштановый, тугую косу сменили крупные кудри, да и одета модно — в синие джинсы, бежевую кофточку с вырезом вместо неизменной юбки в пол. Все это было очень нехарактерно для маленькой серой мышки — Евы Соловьевой. Могла ли так измениться?

Арам видел ее всего каких-то несколько секунд: она прошла мимо, поправляя аккуратный белый фартук, и скрылась в дверях кондитерской. Но этих нескольких секунд ему хватило, чтобы мозг начало лихорадить.

Он бы бросился следом, но пришел сюда с отцом совсем не для того, чтобы устраивать охоту на девчонок.

— Сын, внимательнее, — одернул его Баграт Арсенович. — Не в игрушки играем, важное дело делаем. Необходимо все тщательно проверить и осмотреть.

— Я вам все хоть по двадцать раз покажу, — растянул губы в улыбке толстый седовласый турок, владелец отеля, который Барсегины собирались купить.

И повел их наверх — продолжать показывать их возможные будущие владения.

— В этой сделке нет двойного дна, — заявил турок.

«Если отель такой хороший и прибыльный, что ж ты его продаешь? Тем более готов так подвинуться в цене», — отметил про себя Арам.

И он, и его отец, Баграт Арсенович, понимали: двойное дно было, не могло его не быть. И лишь от того, насколько глубоким оно окажется, зависело, стоила ли овчинка выделки.

Впрочем, на первый взгляд все оказалось пристойным.

Пятиэтажный отель неподалеку от центра города со сравнительно свежим ремонтом и штатом вышколенной прислуги. Помещения на первом этаже сданы в аренду под ресторан, кондитерскую и пару сувенирных магазинов со стабильным доходом — тоже хороший бонус.

Юристы отца уже все проверили практически под микроскопом, но Баграт Барсегиан не принимал никаких важных решений, как следует не проверив все лично, чему и учил сына.

Пройдясь по каждому этажу, трое мужчин направились в кабинет нынешнего владельца отеля проверять документацию.

«Могла ли Ева так измениться?» — Арам все продолжал задаваться одним и тем же вопросом.

Измениться может каждый человек, а девушкам это даже проще сделать.

Но Арам-то... Арам остался прежним! Точнее, был вполне узнаваем: такая же прическа, как в школе и университе-

те, — жесткий ежик черных волос, даром что недавно стукнуло двадцать шесть. Если их хоть чуть-чуть отрастишь, выются, как у барана, а ассоциаций с бараном Араму никогда не хотелось. Телосложение тоже не слишком изменилось: лишних килограммов не наел, разве что с возрастом стал, подобно отцу, шире в плечах, отчего при росте метр восемьдесят пять смотрелся гораздо значительнее.

Однако псевдо-Ева посмотрела на него как на абсолютно чужого человека. Если бы это была на самом деле Соловьева, она обязательно бы его узнала, но он этого не почувствовал.

Жутко похожа... И все-таки, скорее всего, не она. Или она?

Когда отец уселся за стол и со вкусом вгрызся в документацию, просматривая бесконечные папки с файлами, Арам подошел к нему и шепнул на ухо:

— Я пойду, осмотрюся сам еще раз, переговорю с людьми.

— Хорошая идея, Арам, сходи, — кивнул тот и уткнулся в так любимые им цифры.

Арам поспешил на первый этаж.

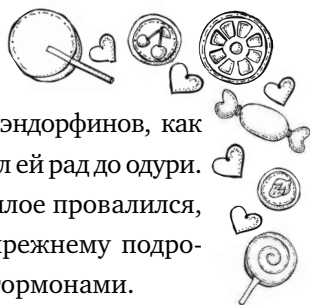
Должен был, просто обязан проверить все как есть. Раз девочка одета в фартук, значит, здесь работала, так?

Барсегиан-младший спустился на лифте и зашагал напрямиком в кондитерскую. Зашел, оглядел небольшое помещение: всего шесть столиков в зале и витрина, сплошь заставленная вкусностями, от которых во рту значительно прибавилось слюны.

За прилавком никого не оказалось, но, как только он позвал, в дверях кухни появилась она — видение из прошлого.

Он смотрел на нее и чувствовал, как внутри всё начало зудеть от желания приблизиться, дотронуться руками, губами, смять ее в объятиях, впечатать в себя да так и оставить.

В крови тут же разгулялась ударная доза эндорфинов, как обычно бывало при встрече — он всегда был ей рад до одури.

По ощущениям Арам как будто в прошлое провалился, словно он не взрослый мужчина, а по-прежнему подросток, тело которого насквозь пропитано гормонами.

Барсегян никогда не мог держаться от нее подальше. И ни к кому больше не испытывал подобного притяжения.

— Ева, это ты? — спросил он без обиняков, хотя можно было не спрашивать, тело уже знало ответ, и плевать, что восемь лет ее не видел.

К тому же по глазам понял: узнала, а раньше просто не пожелала показать.

— Зачем задаешь вопрос, раз ответ очевиден? — услышал он ее мелодичный голос.

Недаром фамилия у нее Соловьева. Арам бы слушал и слушал, очень ему не хватало звука ее голоса, хотя она и раньше не баловала его беседами.

— Ты очень изменилась, Ева... — прохрипел он, не зная, что еще сказать.

И тут вдруг из кухни выбежала девчонка, очень на Соловьеву похожая. Те же крупные каштановые кудри, разрез карих глаз, форма губ сердечком. Дочь? Вероятно, хотя кольца на руке матери видно не было. Значит, не замужем. Невысокой Еве ребенок оказался где-то по грудь, от силы метр двадцать ростом.

Внутренности Арама будто обдало кипятком.

«Это может быть мой ребенок? — тут же задался вопросом он. — Так... спали мы в восемнадцать, нам сейчас по двадцать шесть, значит, если чисто теоретически предположить, что девчонка может быть моя, ей должно быть семь. А этой сколько? И вообще, как выглядят семилетние девочки?»

Ох, если бы он знал. Но своих детей у Арама еще не было, а у братьев одни сплошные сыновья, очень рослые к тому же.

— Сколько ей лет? — спросил он деловым тоном.

И без того огромные глаза Евы стали еще больше.

— Шесть, — тут же выпалила она.

«Не моя...» — выдохнул Арам то ли с радостью, то ли с расстройством.

А потом подметил обиженный взгляд девчонки и возмущенный возглас:

— Мам, ну ты чего? Мне же семь. Се-э-эмь, ты забыла, что ли?

Глава 2. Самая первая встреча

Десять лет назад

Все, что ощущала Ева, входя в класс, — ужас. Перво-бытный ужас перед неизвестным.

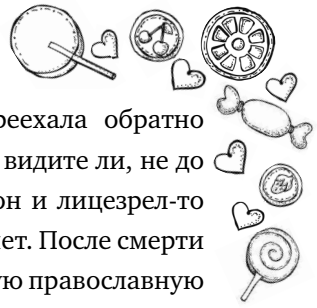
Дыхание ее замерло, воздух вдруг сделался колючим и причинял боль легким. Спина взмокла, и Ева взмолилась, чтобы на белой блузке сзади не осталось пятен, иначе позора потом не оберешься.

Открыть дверь в класс для нее оказалось сродни подвигу, на который было очень сложно решиться. Пусть ей уже шестнадцать, но сегодня она впервые оказалась в стенах обычной средней школы.

Раньше Ева обучалась на дому с бабушкой, бывшей учительницей.

«Домашнее обучение самое лучшее! — частенько повторяла она. — Другого и не нужно».

Но вот бабушка умерла, и Ева переехала обратно к отцу. Он сразу определил ее в школу — видите ли, не до занятий ему с глупой дочкой, которую он и лицеизрел-то всего несколько раз за последние десять лет. После смерти матери отправил ее к бабушке в маленькую православную деревушку — на время, а потом... не забрал.

Возвращаться в большой город Еве было очень непривычно. В деревушке, что стала ей родной, жило от силы двести человек, а тут целых сорок тысяч. Она даже представить не могла эту толпу.

В городе все было по-другому, а школа оказалась ужасно шумной, пыльной. Сколько детей бегало по коридору... жуть.

Глубоко вздохнув, Ева все же решилась открыть дверь класса.

— Ребята, знакомьтесь, это Ева Соловьева, теперь она будет учиться с вами, — представила ее Надежда Геннадиевна, классный руководитель.

Учитель обвела класс пухлой рукой, улыбнулась новенькой двумя пельменями, что были у нее вместо губ, и предложила выбрать место.

Ева застыла, бегая взглядом по помещению. Передние парты оказались заняты. В сравнительно большом классе сидело около двадцати учеников. А как одеты! Девочки — в коротких юбках, и не стыдно им? Мальчишки все как один в джинсах — у них что, не было брюк для школы?

Она скромно улыбнулась одноклассникам и прошла в конец первого ряда, где оставалась свободная парта. Тихонько села и приготовилась слушать. Очень хотелось показать себя прилежной ученицей, чтобы не ругали.

Сначала все было в порядке. Урок прошел нормально, но стоило Надежде Геннадиевне покинуть на перемене кабинет, как началось что-то дикое.

Ученицы вскочили со своих мест и обступили последнюю парту, за которой сидела Ева.

— Ты из какой дыры сюда приползла? — поинтересовалась с ехидной улыбочкой девушка в полупрозрачной блузке, из-под которой виднелся бюстгальтер.

— Вещички в секунде купила, да? — усмехнулась ученица, явившаяся в школу на шпильках.

— Что такую страшную юбку напялила? — спросила обладательница самой короткой юбки в классе. — Коса, кстати, не модно, в курсе, да?

Ева невольно одернула свою юбку.

Еще утром была своей внешностью вполне довольна — пришла на уроки в белой блузке и длинной коричневой юбке, которую ей сшила бабушка. И косу заплела очень тщательно, чтобы ни волоска не торчало.

— Какая вам разница? — попыталась она за себя заступиться.

Не понимала, чем ее внешний вид, пусть далеко не такой модный, как у некоторых, мог так взбесить одноклассниц.

Но это были еще цветочки, ягодки начались, когда к ней подсел здоровенный жирный парень с прыщавым лицом и большими черными глазами.

— Ты уже шпилишься или нет? — спросил со знанием дела.

И ожидал ответа! А она ведь даже вопроса не поняла.

— Арсен, отсел быстро! — услышала со стороны резкий возглас. — Она сидит со мной. Правда, Монашка?

Ева уставилась круглыми глазами на рослого черноволосого одноклассника, вдруг возникшего возле ее парты.

— Я н-не монашка... — попыталась ответить она.

— Я сказал, Монашка, значит, Монашка. Будет твое погоняло. И чтобы отзывалась!

Глава 3. Монашка

Арам сразу ее заметил, как только вошла в класс.

Даже толком не мог объяснить, чем понравилась. Очевидно же, серая, ничем не примечательная особь женского пола. Уродская одежда, прическа, как у доярки. Но что-то зацепило, заставило присмотреться. А когда присмотрелся, уже и отворачиваться не хотелось.

Прямой нос, брови вразлет, пухлые губы, а какие глаза... Она лишь единожды полоснула по нему быстрым взглядом, а Арам весь урок гадал: понравилась ей или нет? Заметила его или нет? Выделила ли среди прочих?

Должна была выделить!

Он ведь заводила класса, любимчик, белозубый красавчик с классным телом. Арам был нарасхват с тех пор, как стал играть в школьной футбольной команде. Такая серая мышка должна перед ним стелиться.

«Хотя вряд ли она как-то проявит интерес, даже если понравилась», — подметил про себя.

Маленькая Ева показалась ему чересчур зажатой и скромной. Такие обычно сидели тихо и не отвечивали.

После урока Арам лишь убедился в своей правоте. Нювенькая оказалась не только с виду мягкотелой, но и внутри такой же — без стержня. Когда одноклассники по заведенной традиции начали ее подкалывать, даже не попыталась огрызнуться, не показала зубов.

«Если будешь так сидеть, ресницами хлопать, тебя же затопчут, дура...» — захотелось научить ее уму-разуму. Неужели не понимала?

Но он, разумеется, ничего подобного не сделал, лишь молча наблюдал.

Однако местные придурки сегодня определенно были в ударе: слишком резво на нее накинулись.

Арам быстро сообразил: если не вступится, девчонка убежит из класса в слезах, а там уже как получится. Могут и в другой класс направить — такое уже не раз бывало. В десятом «Б» вообще новеньких не жаловали.

Оно и правильно, им и так хорошо — без всяких заучек и прочей шелупони. Но вот против этой конкретной новенькой Арам лично ничего не имел. Кстати, если она уйдет в другой класс, к ней будет гораздо сложнее подступиться. Оно ему надо? Нет, пусть будет рядом.

С этими мыслями он поспешил к парте Евы, а когда услышал адресованный ей вопрос Арсена, дольше не думал. Ведь понятно, что не шпилится. Послал товарища и забрал новенькую.

За локоть отвел с вещами к своей парте, где сидел королем — в гордом одиночестве — уже неделю, и велел:

— Теперь это твое место. Усекла?

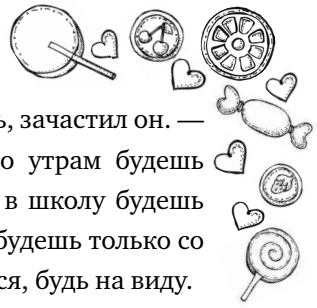
Ева кивнула, задрожав всем телом.

— Располагайся. И учти: то, что я с тобой сжужу, считай, одолжение. Это понятно? — спросил, строго разглядывая Монашку.

Она снова кивнула и уставилась на него, широко распахнув веки, украшенные пушистыми ресницами. Хотя нет, не ресницы это вовсе. Разве назовешь ресницами эти веера, что украшали ее глаза?

Арам аж замер на пару секунд, разглядывая красоту. Сразу понял: она боялась его до дрожи. Стопроцентно, сердце Монашки билось со скоростью сто пятьдесят ударов в минуту. И такая ее реакция на него ему чрезвычайно понравилась... Правильная реакция, хорошая. Значит, девчонка будет послушной, будет уважать.

— Слушай правила, — прищурившись, зачастил он. — Я говорю, ты делаешь, ясно? Теперь по утрам будешь ждать меня на перекрестке у магазина, в школу будешь ходить только со мной. В столовую тоже будешь только со мной ходить, и вообще, никуда не рыпайся, будь на виду.

— Но если мне понадобится... — начала она.

Но Арам быстро перебил:

— Я не понял... Я плохо объяснил или ты по-русски не догоняешь? Я говорю, ты делаешь. Если куда-то надо, отпрашиваешься.

— Я... — Она попыталась что-то сказать, но проглотила слова.

Зажалась в самый угол, уперла взгляд в парту и попыталась сделаться как можно незаметнее. Только никуда ей уже было от Арама не скрыться.

«Все-таки жаль, что Монашка. Будь ты чуть раскованнее, я бы тебя потрогал, а так завизжишь ведь. Завизжишь?»

Глава 4. Грязная девчонка

Ева шла домой с замиранием сердца.

Не знала, показалось или нет, но вроде бы видела отца, шедшего домой после смены на заводе, когда спешила в школу. Ее отец работал слесарем, и часто в ночную смену.

Как человек глубоко верующий, он строго-настрого запретил ей иметь какие-либо отношения с мужчинами до брака. Любые телесные контакты. Еще когда Еве стукнуло четырнадцать, он специально приехал на ее день рождения и долго рассуждал на тему того, что она должна за собой следить, не подпускать мальчиков. Очень строжилась и пообещал, что, если она посмеет позволить кому-то вольность, он от нее откажется. Это оказалось очень не-